

Вербин Анатолий Александрович

РОЛЬ ЗНАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье анализируется роль знания (информации) в обществе развитых стран, неизменно называемом информационным. Становление этого общества связывается с развитием информационных технологий и будто бы новой ролью знания (информации) в жизни общества. Излагается ряд фактов, которые не согласуются с таким мнением, и даются, как представляется автору, убедительные доводы в пользу того, что роль знания в этом обществе остается такой же, как и в предшествующие эпохи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. IV. С. 39-42. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 316.001

Социологические науки

В статье анализируется роль знания (информации) в обществе развитых стран, неизменно называемом информационным. Становление этого общества связывается с развитием информационных технологий и будто бы новой ролью знания (информации) в жизни общества. Излагается ряд фактов, которые не согласуются с таким мнением, и даются, как представляется автору, убедительные доводы в пользу того, что роль знания в этом обществе остается такой же, как и в предшествующие эпохи.

Ключевые слова и фразы: знание; информация; измерение знания; новая роль знания; информационная экономика; информационные технологии.

Вербин Анатолий Александрович, доцент
Санкт-Петербургский университет технологии и дизайна
anatoly_verbin@mail.ru

РОЛЬ ЗНАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ[©]

Как в западной, так и в отечественной социологии современное состояние общества развитых стран неизменно определяется термином «информационное общество». Существуют разные толкования этого термина, но они сводятся к тому, что в таком обществе знание (информация) играет более важную роль, нежели в предшествующие исторические этапы, а производство продуктов знания стало более значительным, нежели производство товаров [3, с. 4; 10, р. 78, 277]. Но такие толкования нам представляются не совсем точными. Во-первых, такие заявления дают понять, что в предшествующие эпохи знание ценилось меньше, а производство не было основано на знании. А во-вторых, они как бы ссылаются на некие, будто бы существующие измерители знания, позволяющие точно определить объем знания, используемого в обществе, и, таким образом, способные указать некую точку в социально-экономическом развитии общества и его производительных сил, указывающую на четкий переход общества в новую эпоху (информационное общество). В данной статье мы попытаемся обосновать наше утверждение.

Знание и создаваемые на его основе технологии всегда были важнейшим фактором развития общества. Это положение закреплено в известном выражении «Знание – сила». Ярчайшим доказательством этого является промышленная революция. Именно новое знание и его интенсивное применение в хозяйственной деятельности позволили Англии превратиться в экономически передовую страну того времени и исторически первую супердержаву. Но и по отношению к античному миру нельзя, как нам представляется, утверждать, что знание не играло важной роли в жизни общества. Исторические исследования древности описывают многие страны, но только Греция и Рим, в которых знание и теоретические исследования культивировались как наивысшие человеческие достоинства, стали бесспорными лидерами того времени. Великие географические открытия позднего Средневековья также были основаны на знании, которое было накоплено и применено для строительства соответствующих морских судов и приборов, позволивших отважным мореплавателям осуществить свои смелые планы и вовлечь открытые территории в хозяйственный оборот своих стран. К тому же в Средневековье, которое иногда представляется неким «темным временем», создавались учебные заведения, основной целью которых были «разработка и передача нового, возрастающего объема знания» [14, р. 159]. Известный специалист по экономической истории Дж. Мокир в своей книге «Подарок Афины: исторические корни экономики, основанной на знании» утверждает, что каждый новый этап развития экономики всегда основывался на интеллектуальных достижениях предыдущих эпох [21, р. 297]. В этом же плане высказался другой известный исследователь проблемы знания П. Вельц. По его мнению, «ремесленники XVII и XVIII веков могут рассматриваться как работники экономики знания своего времени» [10, р. 84; 25, р. 161].

Что касается измерения знания, то этой проблемой занимались многие социологи и экономисты, начиная с 1960-х годов. Но все эти попытки оказались тщетными. Так, один из авторитетнейших американских экономистов того времени С. Кузнец в своей работе 1962 года «Инновационная деятельность» писал, что основой технологических изменений является новое знание и его экономическая роль. Но «самым большим препятствием для понимания экономической роли технологических изменений является наша неспособность измерять его» [17, р. 33]. К такому же выводу пришел и Ф. Махлуп. На основе статистических данных за 1958 год он оценил вклад информационного сектора экономики США в 34,5% ВВП США. Но он подчеркнул, что все эти подсчеты нельзя считать совершенно точными в силу того, что сам объект исследования (информационный сектор экономики) не был выяснен достаточно определенно. Но он полагал, что такие попытки необходимы, поскольку только они дают возможность более точно осознать предмет исследования и найти правильное понимание понятий «знание», «информационный сектор» и разработать соответствующий инструментальный их количественной оценки [19, р. 25]. Через двадцать лет Ф. Махлуп опубликовал новое большое исследование «Знание. Его создание, распределение и экономическое значение». Здесь он снова подробно исследовал данную тему. Но относительно вопроса, который мы здесь обсуждаем, он признал, что за прошедшие два десятилетия не было сделано осязаемого прогресса в деле понимания того, как можно измерять рост знания. Поэтому он констатировал, что «измерение знания – непростое дело,

поскольку невозможно создать разумную единицу измерения» [18, р. 539]. В США этой проблемой занимался также М. Порат со своими сотрудниками. Но его расчеты были признаны неубедительными [4, с. 38-39].

В Европе также предпринимались аналогичные попытки и анализировалось то, что было выполнено раньше в США. В 1972 году, изучив все эти попытки, французский экономист и социолог Ж. Л. Монури писал, что для всех расчетов вклада знания в создание новой стоимости и экономический рост характерно «отсутствие строгости». Он отметил, что все эти попытки сводятся к тому, чтобы подсчитать то, что не может быть отнесено на счет рабочей силы и капитала, и считать эту величину «вкладом интеллектуального капитала в экономический рост» [20, р. 373]. Но такой подход, полагал он, выявляет очевидную слабость: экономический рост может быть связан не с новым знанием, а с реорганизацией старого знания. Поэтому такой способ расчета вклада науки (знания) нельзя признать приемлемым [Ibidem, р. 383]. Причиной же нашей неспособности измерить знание, по его мнению, является то, что «связь между экономическим ростом и научно-исследовательскими работами является фундаментально неясной и меняющейся от отрасли к отрасли» [Ibidem, р. 407-408].

В XXI веке этой проблематикой занимался Н. Стэр. Изучив литературу по этой теме, он констатировал, что «трудно точно определить роль знания в современном экономическом порядке» [23, р. xiv]. По его мнению, «сейчас мы делаем только начальные попытки понять и оценить количественно некоторые из существенных атрибутов современных отраслей экономики, основанных на знании. <...> Но обескураживает тот факт, что эмпирические данные, необходимые для выводов, либо почти невозможно получить, либо их невозможно оценить детально» [Ibidem, р. xii]. Он также указывал, что все данные на этот счет «не являются результатом каких-то прямых расчетов, а представляют собой некоторые косвенные предположения, поскольку отмеченный объем экономического роста не мог быть объяснен никакими другими факторами» [Ibidem, р. 200-201].

Косвенных доказательств новой роли знания, о которых идет речь, несколько. Так, П. Дракер утверждал, что, начиная с 1960-х годов, расходы на рабочую силу сократились с 30% до 12-15%, тогда как затраты на информацию возросли [7, р. 264]. Но П. Дракер никак не объяснил, как он получил эти цифры. К тому же неубедительность этого утверждения состоит в том, что сокращение производственных затрат на рабочую силу происходит постоянно, поскольку постоянно происходит обновление технологий. Новые же технологии, как известно, создаются именно ради сокращения использования рабочей силы. Кроме того, в зарубежной литературе можно найти много авторов, которые показали, что невозможно точно определить, кто именно из персонала предприятий занимается операциями, связанными с информацией (знанием), а кто – нет. Поэтому невозможно определить, какие затраты идут на информацию, а какие – на рабочую силу [2, с. 44-46].

Очень часто утверждается, что переход экономики развитых стран к новым технологиям требует более квалифицированного персонала по ее обслуживанию, и таких более квалифицированных работников становится больше. На рубеже тысячелетий в Англии прошла дискуссия на эту тему. Она выявила общую тенденцию сокращения применения высококвалифицированного персонала. Правда, при этом не утверждалось, что данная тенденция проявляется одинаково во всех секторах экономики, так как каждый сектор имеет свою специфику и, соответственно, разную степень технологического оснащения. Более поздние исследования подтвердили эту тенденцию, которая объясняется тем, что «профессиональные умения работников передаются новым технологиям», и это ведет к сокращению квалифицированной рабочей силы на предприятиях [10, р. 95].

П. Дракер также писал о некоем более высоком статусе работника информационного сектора. Он утверждал, что «знание дает таким работникам свободу от работодателя» [8, р. 167, 172]. Но новые исследования, напротив, говорят о том, что эта категория работников «превратилась из имевших самую стабильную занятость в имеющих самую нестабильную занятость» [5, р. 138; 6, р. 66]. Другие авторы отмечают, что работники, обслуживающие новое оборудование и даже целые технологические линии, «становятся похожими на тех, кто работает на конвейерах». Причем такое положение «становится характерной чертой сегодняшней жизни» [10, р. 44-45]. Даже в известных фирмах Кремниевой долины в последние годы отмечается заметное ухудшение положения высококвалифицированных работников. Там изобретаются самые разнообразные способы увеличения нагрузки на таких специалистов. Для этой цели на компьютерах устанавливаются специальные программы, которые отслеживают, чем занимается работник в каждую минуту. Другие программы определяют время, необходимое на выполнение тех или иных заданий. Благодаря этим технологиям «новый тэйлоризм приобретает такие формы, о которых сам Тэйлор не мог даже мечтать» [13, р. 11].

Утверждения о некоем высоком статусе работников сферы знания опровергает и статистика занятости. Совсем недавно лондонская газета *Financial Times* опубликовала ряд материалов на этот счет. Они говорят о недостаточном спросе на дипломированных специалистов со стороны ста крупнейших работодателей этой страны. Далее, средняя зарплата дипломированного специалиста в некоторых секторах экономики стоит на месте, а в других она даже понизилась. Кроме того, дипломированные специалисты соглашаются на работу, не требующую диплома. А Национального бюро по статистике сообщило, что в 2012 году 36% дипломированных выпускников не смогли получить работу, соответствующую их уровню квалификации, и довольствовались работой, не требующей диплома [22, р. 4]. В докладе подчеркивается, что в 2001 году доля таких работников составляла 27% [Ibidem, р. 1]. Точно такая же тенденция характерна и для других развитых стран. Так, согласно материалам лондонского журнала «Экономист» раньше в США за прилавками ресторанов быстрого питания стояли подростки, которые таким образом зарабатывали себе карманные деньги. Теперь же подростки в этом секторе составляют только 30% персонала. А 85% работников этих ресторанов, кто не является подростками, имеют документ об окончании средней школы и учебных заведений более высокого уровня. А более одной трети из них имеют дипломы о высшем образовании [12, р. 36]. Таким образом, дипломированные работники выполняют работу низкой квалификации. И это происходит в стране, которую считают родиной информационных технологий и страной с самой развитой наукой и техникой. А совсем недавно лауреат премии по экономике

в память А. Нобеля П. Кругман отмечал, что в настоящее время «безработица среди образованных людей всех уровней образованности остается более высокой, чем это было раньше» [15, р. 9].

В этом плане интересны данные об оплате труда разных категорий работников в США. Там наивысший средний заработок имеют представители шоу-бизнеса и спортсмены. Чтобы заработать 1000 долларов, представителям первых нужно работать от 24 секунд до 4 минут, а вторым – от 5 мин. 30 сек. до 6 мин. Далее идут высшие исполнительные директора, которые, чтобы заработать 1000 долларов, должны работать почти три часа. Врачам, которые в США считаются высокооплачиваемыми работниками сферы знания, необходимо работать примерно 13 часов [9, р. 33]. Как видим, корреляции между самыми высокими зарплатами и самыми высокими теоретическими знаниями нет. А П. Кругман в статье, посвященной роли знания в США и оплате труда, указал, что высокие зарплаты руководителей корпораций, банков и хэдж-фондов свидетельствуют о монополии власти этих должностных лиц, а не о знаниях, которыми они обладают. «Ученые степени не имеют значения. Большие деньги идут крошечной группе людей, занимающих стратегические позиции в кабинетах корпораций и банков. Растущее неравенство – это не по поводу знания, а по поводу того, кто имеет власть» [16, р. 7].

Очевидно, что объем знания, которым обладает общество, постоянно возрастает. И в каждую данную эпоху общество располагает большим объемом знаний, нежели в предшествовавшую эпоху. Но законен вопрос: как увидеть ту границу, когда его возрастание выливается в технологическую революцию, переход общества из одного состояния в другое? Так, Ф. Уэбстер справедливо спрашивает: почему вследствие «простого увеличения объема знания мы должны иметь перед собой нечто радикально новое» [26, р. 259]? А другой автор пишет, что задача исследователя состоит в том, чтобы «выяснить и конкретно указать, когда знание становится ключевым элементом этого процесса» [24, р. 205]. И эти вопросы не праздные, поскольку те, кто говорят о новой роли знания в обществе, о переходе общества в новое состояние в результате накопления знания, ответов на них не дают. И это является очевидной слабостью предлагаемых концепций новой роли знания в современной эпохе.

Увеличение объемов знания в обществе вовсе не говорит о том, что *все* члены общества или *все* работники производственных процессов становятся все более и более образованными. Возрастание объема знания в обществе, т.е. объема познанного человеком, не следует представлять как процесс *сокращения объема непознанного*. Всякое новое знание неизбежно порождает все новые и новые вопросы в обществе, которые требуют изучения и решения. Поэтому объемы непознанного также постоянно возрастают. Иными словами, нельзя представлять ситуацию со знанием так, что знания, накапливаемые человечеством, будто бы ведут к ситуации, когда человек придет к состоянию полного знания об окружающем мире. Поэтому накопление человеком объема знания не создает никакой принципиально новой ситуации. На каждом отрезке исторического развития человек находится в этом отношении в одном и том же состоянии: он располагает неким большим объемом знаний об окружающем мире, чем раньше, но он имеет дело с массой нерешенных задач, для решения которых требуются новые знания. Так было всегда, такую ситуацию мы наблюдаем и сейчас. Поэтому нам представляются, по крайней мере, неточными некоторые суждения на этот счет. Так, С. В. Борзых утверждает, что «в прошлом информации было слишком мало, и ее приходилось отыскивать». Но отныне мы будто бы испытываем избыток информации, и, по автору, «востребованы способности отгораживать себя от бесконечного потока символов, слов и образов» [1, с. 25]. Как нам представляется, такое изображение ситуации со знанием не соответствует действительности. Ничто не говорит, что роль знания в обществе изменилась. Как и раньше существует масса проблем, решение которых нам необходимо. Как и раньше, существует знание, которое изымается из общественной сферы и переводится в категорию «секрета фирмы» или объявляется государственной тайной. Как и раньше, существует определенный пласт знаний, который не применяется для производственных целей, т.е. является знанием, не имеющим на данный момент сколько-нибудь большого значения. Поэтому нет никакого повода говорить о том, что сейчас будто бы имеется вся информация, которая прямо-таки осаждает нас. Или, по крайней мере, стоит только поискать, и станешь обладателем необходимой информации.

В современном обществе получили небывалое развитие технологии, обеспечивающие быстрый поиск и передачу информации, в силу чего это общество закономерно называется информационным. Подобным же образом использование атомной энергии в 1940-х годах дало повод говорить о начале атомного века, интенсивное применение химии в 1950-х годах – об эпохе химизации, а в 1960-х годах – эпохе биологии. Но утверждение о новой роли знания в современном обществе, используемое в определении термина «информационное общество», не является обоснованным, поскольку оно, как было показано выше, не подтверждается никакими теоретическими положениями или эмпирическими данными. Поэтому ссылка на это утверждение ничего не доказывает и, следовательно, является ненужной. А вместо этого исследователи, занимающиеся изучением информационного общества, должны сосредоточиться на еще не выясненной до конца проблеме количественного определения объема знания и создания соответствующего инструментария для его измерения. Это является чрезвычайно важным для понимания многих терминов, используемых в литературе по информационной экономике («человеческий капитал», «интеллектуальный капитал», «интеллектуальная собственность» и некоторые другие).

Список литературы

1. Борзых С. В. Концепция глобализации. М.: ИНФРА-М, 2013. 128 с.
2. Вербин А. А. От рыночной экономики к рыночному обществу. СПб.: СПГУТД, 2010. 346 с.
3. Монахова И. В. Трансформация потребления домохозяйств в информационной экономике. Часть 1. Теоретический анализ // Вестник МГУ. 2013. Сер. 6. № 6. С. 3-12.
4. Стюарт Т. Интеллектуальный капитал. М.: Поколение, 2007. 366 с.

5. **Bahrami H., Evance S.** Super-Flexibility for Knowledge Expertise. Heidelberg: Springer, 2005. 193 p.
6. **Burchell B., Lapido D., Wilkinson F.** Job Insecurity and Work Intensification. L.: Routledge, 2002. 272 p.
7. **Drucker P.** Managing in the Next Society. Oxford – Boston – N. Y. – P.: Butterworth Heinemann, 2002. 347 p.
8. **Drucker P.** The New Realities. L.: Mandarin, 1990. 370 p.
9. **Dykman J.** America in Numbers // Time. 6.11.2006. P. 23-33.
10. **Erickson M., Stephens C., Williams S.** Business in Society. Cambridge: Polity, 2009. 310 p.
11. **Eustace C.** The Intangible Economy // Measuring the New Economy / ed. by T. Wolters. Amsterdam – Boston – N. Y.: Elsevier, 2007. P. 83-101.
12. **Fast-food Condemnation** // The Economist. 7.09.2013.
13. **Gapper J.** Technology's Tax Defense // Financial Times. 2.10.2014.
14. **Goody J.** Capitalism and Modernity. The Great Debate. Cambridge: Polity, 2005. 200 p.
15. **Krugman P.** Jobs and Skills // International New York Times. 1.04.2014.
16. **Krugman P.** Knowledge Isn't Power // International New York Times. 24.02.2015.
17. **Kuznets S.** Innovative Activity // The Rate and Direction of Innovative Activity: National Bureau of Economic Research Conference Report / ed. by R. Nelson. Washington, 1962. P. 19-43.
18. **Machlup F.** Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance: vol. 1-3. Princeton: Princeton University Press, 1984. Vol. 3. The Economics of Information and Human Capital. 554 p.
19. **Machlup F.** Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton: Princeton University Press, 1962. 347 p.
20. **Maunoury J.-L.** Economie du savoir. P.: Arman Colin, 1972. 570 p.
21. **Mokyr J.** The Gift of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy. Princeton: Princeton University Press, 2002. 374 p.
22. **O'Connor S.** Graduates in Scramble for Jobs // Financial Times. 19.11.2013.
23. **Stehr N.** Knowledge and Economic Conduct. Toronto: University of Toronto Press, 2002. 360 p.
24. **Vasapolo L.** Crisis of Capitalism: Compendium of Applied Economics (Global Capitalism). Leiden – Boston: Brill, 2012. 372 p.
25. **Velz P.** La Grande Transition. La France dans le monde qui vient. P.: Ed. Seuil, 2008. 261 p.
26. **Webster F.** The Information Society Revisited // Handbook of New Media / ed. by L. A. Lievrouw, S. Livingstone. L.: Sage, 2002. P. 255-266.

ROLE OF KNOWLEDGE IN INFORMATION SOCIETY

Verbin Anatolii Aleksandrovich, Associate Professor
Saint-Petersburg University of Technology and Design
anatoly_verbin@mail.ru

The article analyses the role of knowledge (information) in the society of developed countries invariably called the information one. The formation of this society is connected with the development of information technologies and a supposedly new role of knowledge (information) in the life of society. A number of facts are stated, which don't conform with this opinion, and, according to the author, convincing arguments in favour of the fact that the role of knowledge in this society remains the same as in previous epochs are given.

Key words and phrases: knowledge; information; measuring of knowledge; new role of knowledge; information economics; information technologies.

УДК 347.191.11

Юридические науки

В статье раскрываются содержание становления и развития международно-правового регулирования сельскохозяйственной кооперации и роль сельскохозяйственных кооперативов в решении экономических и социальных проблем современности. Сформулированы модели правового регулирования создания и деятельности сельскохозяйственных кооперативов. Проанализированы кооперативные ценности и принципы. Рассмотрен вклад межправительственных и неправительственных структур в развитие кооперативного движения. Сделан авторский вывод об отсутствии сформированной международной кооперативной доктрины.

Ключевые слова и фразы: международное кооперативное движение; сельскохозяйственная кооперация; сельскохозяйственный кооператив; кооперативные ценности; кооперативные принципы; международная кооперативная доктрина.

Воронина Наталья Павловна, к.ю.н.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
nvoroninamgua@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ[©]

2012 год был признан Международным годом кооперативов [13]. К этому решению международное кооперативное движение пришло через 150-летнее развитие. Эффективная деятельность кооперативов показала, что данная организационно-правовая форма объединения людей позволяет решать многие экономические